

„перепутьем для донских казаков при их поездках в Москву“.¹ Монастыри эти содержались „обильными вкладами казаков“.² „В сих же монастырях сохранялись и частные пожитки многих казаков, особенно дорогие вещи...“.³ Но для чего же главным образом эти монастыри нужны были Войску? На этот вопрос отвечает войсковая отписка (1686 г.): „В прошлых, государи, годах, — писали казаки, — за наши службишки, за кровь и за раны и за полонное терпенье, даны нам, холопом вашим, на Воронеже Борщев, да в Шацком Чернеев монастыри для пропитания нашей братье донским казакам, старым и увечным и раненым и для постригания безвкладно“.⁴

Уход „от мира“ в монастырь был вообще обычным житейским явлением изучаемой эпохи, но для казаков он имел свою особенность. Поступая согласно известной былинной формуле „смолоду бито много, граблено, под старость нада душа спасти“, ветераны Войска постригались или просто жили при монастырях „на положении бобылей“⁵ „для пропитания“. Не связанные большей частью ни постоянной семьей, ни наследованием определенной недвижимости, вольные „рыцари“ Дона жили обыкновенно холостыми по 10 или 20 человек в одном курене — „в одной суме и одной каше“.⁶ Иначе говоря, они вели образ жизни своеобразной средневековой военной корпорации. И как только кто-либо из них не мог больше „служить государю“ своей саблей, он прибегал к помощи другой средневековой корпорации — монастыря.

Интересно отметить, что эти явления казачьего быта отразились не только в Поэтической, но и в написанной в Азове несколько ранее Особой повести. В ней рассказывается, что в 1640 г. жил в Азове некто казак Еунтропий и был он когда-то у турок в плену и „обещался, как бог ис полону вынесет, и ему итти... в Чернеев монастырь, постричься“. Казак спасся, но обещание забыл, и за это „отня бог очи его“. Потом он все же прозрел „ото образа Иоанна Предтечи“ и тогда „опаметовался своим обещанием, пошел з Дону в монастырь“.⁷ В Исторической повести говорится, что по взятии Азова „повелеша... все великое Донское Войско по своим побитых атаманех и казакех памят творити вечную и казну многую розослаша в монастыри и в сенодики имени их велеша написати...“ (60—61). В Борщевском монастыре хранился такой казачий

¹ Л. М. Савелов. Борщевский монастырь и его синодик, как материал для генеалогии донских родов. Сборник областного Войска Донского статистического комитета, вып. III, Новочеркасск, 1902, стр. 35.

² В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 65.

³ В. Д. Сухоорук. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 г., изд. А. Корниловичем, изд. 2-е, СПб., 1825, стр. 204.

⁴ В. Г. Дружинин, ук. соч., стр. 65, прим. 70.

⁵ С. Тхоржевский, ук. соч., стр. 24.

⁶ А. Савельев. Сборник донских народных песен. СПб., 1866, предисловие, стр. 42.

⁷ А. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 30—31.